

СОЦИАЛЬНЫЕ И СМЫСЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ ПОЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ НАУКИ

Пьер Бурдьё

ВВЕДЕНИЕ В СОЦИОЛОГИЮ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК: ОБЪЕКТИВАЦИЯ СУБЪЕКТА ОБЪЕКТИВАЦИИ

В статье утверждается, что социальная история социальных наук дает возможность исследователю изучить его собственное бессознательное, отложившееся в его представлениях в процессе пребывания в своей дисциплине. Объективация объективирующего субъекта мобилизует научные ресурсы: она помогает исследователю освоить объективированную и инкорпорированную историю. Это позволяет снять угрозу релятивизации социальных наук. Прибегая к объективации объективирующего субъекта, социальные науки могут использовать собственные интеллектуальные инструменты как рефлексивные инструменты, способные защитить их от последствий изучаемых социальных причин.

The article affirms that social history of social sciences gives the researcher a possibility to study his own unconsciousness formed during his professional socialization. Objectivation of the subject of objectivation mobilizes the scientific experience; it helps the scientist to master the objectivated and incorporated history of his own discipline. At the same time, it gives the possibility to escape the relativization of social sciences. Using the method of objectivation of the subject of objectivation, social sciences can use their own intellectual tools as reflexive instruments to protect themselves from the influence of social reasons' consequences.

Социальная история социальных наук особая паука, единственной целью которой является продвижение в изучении своего объекта и которая отличается от всех остальных тем, что предполагает прогресс пауки через развитие самого субъекта науки. Распространяя историческое и социологическое знание о прошлом и настоящем социологии и истории на свою собственную институциональную составляющую, социальная история

социальных наук предоставляет историку и социологу средство для изучения и познания его бессознательного, того, что отложилось в его представлениях в процессе прошлого и настоящего опыта нахождения в рамках своей дисциплины. Это средство по-новому, мобилизуя все доступные научные ресурсы, освоить все то, что история и общество сохранили в вещах и умах, и овладеть им с помощью объективации. Таким образом, вместо угрозы саморелятивизации, о которой столько говорили, социальные науки получают привилегию использовать собственные интеллектуальные инструменты как рефлексивные инструменты, способные защитить их, хотя бы частично, от следствий изучаемых социальных причин.

Рефлексивность, о которой я говорю, — это не просто рефлексивное возвращение познающего субъекта к самому себе, и еще тот ретроспективный анализ исследовательского опыта, который, начиная с определенного времени, активно практиковался этнологами, когда такой анализ становится самоцелью и служит нарциссическому самолюбованию. Парадоксальным образом рефлексивность осуществляется как процесс объективации субъекта объективации, применяющий инструменты познания, предлагаемые дисциплиной, чтобы лучше познать того, кто ее практикует, и улучшить его способность действовать в этой дисциплине. Процесс объективации направлен на экспликацию всего того, что содержится, оставаясь незамеченным, в интеграции (прошлой и настоящей) исследователя, во-первых, в общее социальное пространство, т. е. в его траектории и позиции; во-вторых, в поле специфического производства (поле социологии, истории и т. п.); и, в-третьих, в схоластические универсумы, эти очень специфические миры, условием существования которых являются *skole*, досуг, дистанция по отношению к экономической необходимости и спешке.

Нужно быть очень наивным, особенно после более чем векового развития социологии знания, чтобы не задаваться вопросом о том, что в интересе к определенному объекту исследования и в определенном способе его анализа (теоретическом или эмпирическом, всеобъемлющем и обобщающем или монографическом и идиографическом) может зависеть от предрассудков или — это труднее уловить — от допущений, связанных с определенным типом социального опыта и диспозициями, приобретенными в ходе этого опыта. Наблюдая наивность, с которой некоторые исследователи раскрывают в своей научной работе импульсы и пристрастия своего социального бессознательного, можно предположить, что еще не все специалисты социальных наук научились применять к себе, преобразуя в инструменты эпистемологической бдительности, наиболее общие средства когнитивной социологии. Возьмем, например, Гари Беккера, теория «человеческого капитала» которого ограничивается тем, что он забывает поставить вопрос о социальных условиях производства «человеческого капитала», потому что, добившись успеха, безусловно, с помощью диплома, он не может ставить под вопрос социальные условия производства этого вида капитала, т. е. свой собственный «природный дар».

Но еще реже исследователь подвергает анализу диспозиции, схемы восприятия и мышления, интересы, предпосылки, часто глубоко бессознатель-

ные, которыми он обязан самому факту принадлежности полю, т. е. дисциплине, обремененной историей («бессознательное, — говорил Э. Дюркгейм, — это история») и занимающей определенную позицию в иерархии дисциплин, со всеми вытекающими отсюда последствиями, а также факту его нахождения в специфической позиции в этом поле: господствующей или подчиненной, яркой или тусклой, центральной или маргинальной, и факту существования объективных отношений, которые эта позиция поддерживает с ансамблем позиций, конституирующих поле, и с теми, кто их занимает. Я имею в виду, например, все те родовые естественные склонности (или желания), вписанные в позицию новичка, претендента, соперника, обязанного «делать ставку» по отношению к уже сложившимся исследователям.

Что касается диспозиций, связанных с принадлежностью к схоластическому миру, особенно тех, что лежат в основе такого вида трансцендентальной иллюзии, как «схоластическая склонность», то они чаще всего остаются незамеченными, поскольку являются, в прямом смысле, составляющими научной точки зрения. Я открыл их действие в совершенно различных областях научной практики, например, в юридиксе и склонности этнологов интерпретировать практики в логике правил, а также во всех формах интеллектуализма, которые постоянно присутствуют в теориях действия, парадигмой которых, несомненно, является теория *homo oeconomicus*.

Чтобы быть более конкретным и близким к практике, проиллюстрируем этот рефлексивный подход на примере ситуации опроса. На первом уровне необходимо объективировать взаимные позиции интервьюера и респондента в социальном пространстве, т. е. их отношение, а при необходимости — социальный разрыв и, следовательно, разрыв культурный и лингвистический, который их разделяет и который является источником более или менее заметных искажений. Затем необходимо проанализировать социальные принуждения, влияющие на автора анкеты уже в силу его собственной позиции в пространстве своей дисциплины (в определенной стране и в определенное время) и в связи с тем, какие практики закреплены на уровне ассоциаций за другими позициями. Кроме того, принуждения, направляющие его (что он не всегда осознает) в сторону выбора той или иной проблематики, той или иной техники опроса (формализованного или неформализованного), того или иного вопроса и т. д. На третьем уровне необходимо, как это было сделано в «*La Misere du monde*»*, проанализировать существующий между интервьюером и респондентом разрыв, связанный с их отношением к социальному миру, и то, какие вопросы в отношении него задаются, т. е. разрыв между профессионалом по объяснению (что само по себе может игнорироваться) и респондентом, который, возможно, не обладает диспозициями и инструментами, необходимыми для объяснения собственного опыта, и которому интервьюер, уже самой ситуацией опроса

* «Нищета мира» (Paris: Ed. du Seuil, 1993) — коллективная монография, представляющая исследование Центра европейской социологии под руководством П. Бурдьё, в котором изучались «социальные недуги» современного французского общества. — Прим. перев.

навязывает, сам того не зная, принятие схоластической ситуации, к которой респондент может быть не подготовлен. Поэтому такой банальный вопрос (он должен быть задан сотню раз сотней интервьюеров), как «существуют ли социальные классы и сколько их», является парадигматическим примером *схоластической склонности*; он навязывает опрашиваемому проблемы спрашивающего. Можно задавать другим или себе вопросы только в том случае, если есть свободное время, необходимое, чтобы выйти из социальной игры и поразмыслить о ней.

Социология может быть освобождающей лишь тогда, когда вместо того, чтобы пользоваться ею для объективации своих соперников или конкурентов, — как это иногда случается по дурной традиции некоторого сорта марксистской полемики, — те, кто ее практикуют, *применяют объективацию прежде всего к самим себе*. Она должна использоваться, в первую очередь, для освобождения от социальных принуждений, которые при отсутствии особой бдительности влияют как на научные практики, так и на тех, кто к ним пристрастился. Но даже если следовать этому принципу, то полной бдительности можно добиться лишь при условии превращения ее в коллективную. Она может реализоваться лишь посредством критической солидарности исследовательской группы, но что особенно важно, на уровне самого поля в целом. Только при условии методичного овладения рефлексивным подходом, который позволяет стать одновременно субъектом и объектом работы по объективации предпосылок и бессознательных схем мышления, связывающих исследование и познание со случайностями конкретной истории, поле сможет постепенно освободить социальные науки от навязанных им ограничений, особенно, когда речь заходит о социальных вещах и когда в самом сердце субъекта познания остается незамеченное и вытесненное социальное.

Париж, сентябрь 2001 г.

Перевод с французского Ю.В. Марковой